

Секция «Историческая память и современная политика»
**ШЕВЧЕНКО КАК МИРОТВОРЕЦ. Эксперимент структурно-дискурсивного
прочтения**

Якубин Алексей Леонидович

Кандидат наук

Национальный технический университет Украины КПИ, Факультет социологии и права,
Киев, Украина

E-mail: randaltor@ukr.net

(В названии использована аллюзия на книгу Георгия Грабовича «Шевченко як міфотворець. Семантика символів у творчості поета»)

В отечественном политическом нарративе образы Тараса Шевченко и героев его текстов — узловые точки вокруг которых выстраивается современная государственная, социальная и национальная идентичность. Шевченко — это «пророк», «духовный отец народа/нации», «Моисей» (типичный пример такого понимания: [3] или [1]), с ним связаны важные политические и культурные «места памяти» (место рождения в с. Моринцы, памятник и музей в Киеве, место погребения в Каневе), его дату рождения отмечают на государственном уровне (в 2014-м году — 200 летие со дня рождения поэта) [2], его образ присутствует на купюрах национальной валюты, его имя носят важные культурные и образовательные учреждения.

Шевченко — современный герой социально-политического пантеона — к нему апеллируют и цитируют его тексты, почти как тексты Святого Писания. Он важная часть современных дебатов об идентичности, Украине и ее будущем.

Учитывая это узловое социально-политическое значение образов Шевченко представляется логичным изучать его тексты с точки зрения их структурно-дискурсивного прочтения, скрытых и явных социально-политических интенций и постоянной структурной незаконченности таких интерпретаций — их открытости современным общественным ситуациям, где они получают дополнительное прочтение. Именно поэтому правомерно ставить вопросы: что тексты Тараса Шевченко могут нам сказать об украинской политической ситуации? О конфликте на востоке Украины в 2014 году? Есть ли в его текстах важные социально-политические аксиомы созвучные повестке дня?

Для ответов на эти вопросы мне кажется продуктивным использование, как «точки отсчета», *культурный материализм* (в интерпретации Питера Барри) [5] комбинируя его с конкретной *техникой анализа текстов* Ролана Барта [6]. Материалом исследования для нас будет каноническая поэма «Кавказ» (1845) [4] на украинском языке, написанная поэтом в память о его друге Якове де Бальмене, военном офицере, иллюстраторе рукописного «Кобзаря» 1844 года, погибшем в ходе одной из войн на Кавказе.

Благодаря культурному материализму мы получаем важную социально-политическую перспективу — представление о том, что произведение/текст — продукт определенных общественных условий и в культурных текстах всех форм часто присутствуют ценностные/нормативные структуры антагонистические к внешним/существующим в обществе доминирующим социальным идеологиям и практикам — в силу этого они часто являются важным источником прогрессивных общественных изменений, а структуралистский подход Барта дает нам понимание, что текст (поэма «Кавказ») - это не более чем «яйцо» (отправная точка) и нас интересует не он сам по себе, а социально-политические эффекты/структуры - «цыплята» (лексемы — смысловые единицы значений и главное - коды - проаиретический/герменевтический/культурный/семический/символический) рождающиеся/стоящие за текстом в свете событий дня сегодняшнего.

Итак, начнем. Весть текст можно декомпозировать в виде из 26 лексем. Они связаны с ключевыми кодами. Рассмотрим их схематично, чтобы не сказать, пунктирно, принимая во внимание формат тезисов.

Символический и Культурный коды. Первый — связан с контрастами и аналогиями, фундаментальными для человеческого восприятия, а культурный — устанавливает внешние связи между текстом и тем, что считается общеизвестным, противопоставляя эти значения.

Здесь это оппозиции жизни/смерти (жизнь и смерть тут связаны с властью, они «производятся ею», это своеобразная биополитика в стиле Мишеля Фуко), Бог/человек («Живой Бог/Единый/Создатель» синоним справедливого порядка, правды прошлого/будущего противопоставляется «Богу официальному», последний является идеологическим конструктом инспирированным властью и «удобным» для большинства в целях самоапологетики и своеобразной иллюзорной «многомерности»; «Живой Бог» находится на стороне угнетенных, стоически осознающих свое положение и потому сохраняющих потенцию мира/Мира), мира/война (война — это перманентный процесс угнетения и конфликта, в существующих условиях, она инициируется властью ради самой власти и страдают от нее все стороны конфликта; мир — это не просто отсутствие войны, а отсутствие структур угнетения, его еще нужно создать, на что указывает присутствие образов античных первостихий Воды, Огня, Земли, Воздуха и Человека, мир станет Миром в некоем всемирном объединении людей «Полисе» [эта метафора не является такой уж инородной тексту, например, Михаил Гефтер предлагает понимать XIX век Российской империи, как «нашу античность»]), цивилизация/гуманность, воля/безволие (цивилизация - «дискурсивная формация» - создает угнетение, в ее основе лежит связка знание/власть, цивилизация - тюрьма - со структурами угнетения и с капитализмом, с его постоянным накопительством/стяжательством, в условиях которого большинство людей боятся быть свободными, так как «погрязли» в нем самом и его практиках, не хотят видеть альтернатив; дискурс капитализма воспринимается ими как «единственная реальность», а власть и угнетение хотя имеют преимущественно дискурсивную, но тем не менее очень материальную природу, и поддерживается «молчаливым большинством»), сакральное/светское («Небесный Иерусалим» - правда/равенство/свобода/мир/будущее - противопоставляется павшему «Земному Риму» - цивилизации/капитализму/угнетению/войне/настоящему), империя/ полис («Империя» — это синоним власти - Imperium - образ «Орла» - порядка построенном на иерархиях («Цезарь») - и угнетении, а «Полис» (аллюзию на «запорожскую вольницу» и возможно, новый социальный майдан, как его некое начало) - порядок правдивого будущего без институтов подавления в едином Мире для всего человечества с миром.

Семичный код — или коннотативный, также связан с темой текста, он выстроен вокруг ключевых героев/актеров. На уровне метатекста — это сам Тарас Шевченко в образе ветхозаветного пророка Иеремии, взывающий и плачущий. Он визионер будущего антикапиталистического порядка, «нарративный рассказчик», уста «живого Бога»/будущего/правды для большинства погрязшего в капиталистических структурах Империи/настоящем/власти. Он актуализирует тему изгнания в Империи, но и будущего обретения Полиса и мира. Друг Шевченко, Яков де Бальмен, тут выступает в качестве «потерянного сына», потенциального сторонника структур Полиса, но добровольно избравшего, вместе с большинством, пути Империи. Образы Иисуса Христа и Прометея сливаются в единую полифонию — они выполняют идентичную миссию — страдание ради большинства, которое не видит альтернатив Империи. Но именно поэтому — они олицетворяют новый нормативный и социальный порядок свободы/правды, постоянный вызов брошенный структурам

гегемонии, который не сводим только к освобождению в религиозном смысле, но имеет широкое социально-политическое, экономическое, человеческое эмансипативное звучание, открытость будущего. Тем не менее, отсутствие других явных гендерных персонажей в этом тексте Шевченко дает основания нам для указания на авторские андроцентричные предубеждения и асимметрии, отождествление автором понятия «человека» и «мужчины», привязка к ним понятия правды и освобождения. Это ограничительный компонент авторской визии Шевченко, который должен быть зафиксирован и элиминирован, если следовать внутренней освобождающей логике структур текста.

Герменевтический код — формулирует вопрос или загадку, вызывая не уверенность. Можно ли конусы терриконов Донбасса прочесть, как силуэты гор Кавказа у Шевченко? Аллюзия-загадка. Намек. Вопрос без ответа. Была ли в «Кавказе» заложена программа действий по изменению Империи или это просто текст-диагноз и текст-прогноз? Можно предположить, что была - в стиле борьбы отдельных осознающих единиц за Полис, на что указывает образ Кавказа - одиночества гор и образы страдальцев за правду Прометей-Иисуса. Но не методом войны - скорее, неполитической политикой - своеобразным социальным майданом — низовым движением правды, изменяющей ее носителей вопреки доминирующим структурам власти/знания. Другие способы насильственной внешней борьбы только бы укрепляли и усиливали правящую «дискурсивную формацию».

Проаиретический код - указывает на движение. Движение в этом тексте — это главный метанарратив. Образы рек, крови, моря, воды — это сама жизнь. Это постоянная изменчивость/текущность «дискурсивных формаций» и это залог их стойкости — структур Империи/капитализма/власти/знания (цивилизации). В одну и ту же реку нельзя войти дважды, как нам напоминал Гераклит, и потому осознающие единицы должны постоянно вырабатывать новые ответы к взаимодействию с доминирующими структурами. История (как расследование/развертывание) длится пока есть Империя, в Полисе, в гегелевском стиле, будет только правда, история будет не нужна. Ведь цивилизация/капитализм существуют до тех пор пока конструируются различия в развитии (например, цивилизация/варварство) и связанные с ними структуры.

Источники и литература

- 1) Лутченко В. Тарас Шевченко – наш пророк //Режим доступу: http://upi.org.ua/publ/human_development/taras_shevchenko_nash_prorok/6-1-0-216
- 2) Про затвердження плану заходів з підготовки та відзначення 200-річчя від дня народження Т.Г. Шевченка та 150-річчя від дня його перепоховання// Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/167-2011-%D1%80/page8#n8>
- 3) Тарас Шевченко — батько новітньої української нації//Режим доступу: <http://www.lds.lviv.ua/>
- 4) Шевченко Т. Кавказ/Режим доступу: <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev139.htm>
- 5) Баррі П. Вступ до теорії: літературознавство та культурологія / Пер. з англ. О. Погинайко; наук. ред. Р. Семків. - К.: Смолоскип, 2008. - 360 с.
- 6) Барт Р. S/Z. Пер. с фр. 2-е изд., испр. Под ред. Г. К. Косикова. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 232 с.